

КРИМИНАЛЬНАЯ МЕЛОДРОМА

Екатерина ГРИНЕВА

Новое громкое имя!

Адвокат ангела,
или Дважды не воскресают

Екатерина Гринева

**Адвокат ангела, или
Дважды не воскресают**

«ЭКСМО»

2010

Гринева Е.

Адвокат ангела, или Дважды не воскресают / Е. Гринева —
«Эксмо», 2010

После развода с мужем-иностранцем Наталью Рагозину ждал страшный удар: суд постановил, что их дочь, шестилетняя Лиза, останется жить в Швеции с отцом. Наталья отчаянно боролась за свою девочку, даже обратилась к адвокату Феликсу Полинникову, но тот не обещал ничего конкретного, хотя между ними проскочила искра притяжения и даже появился намек на роман... Неожиданно Наталье позвонил неизвестный и предложил сделку: если она тайно скопирует файлы из личного компьютера своего бывшего мужа, Лиза вернется к ней – навсегда! Даже не посвятив в эту авантюру Феликса, Наталья вылетела в Швецию...

© Гринева Е., 2010

© Эксмо, 2010

Екатерина Гринева

Адвокат ангела, или

Дважды не воскресают

Я поправила парик. Он был мне немного мал и все время уползал на макушку. И я страшно боялась, что в любой момент он свалится с головы, и тогда я себя обнаружу. Хотя вряд ли меня кто-то здесь знал. Но во мне все равно жил страх разоблачения, и я ничего не могла с этим поделать. До их приезда оставалось совсем немного времени, минут пятнадцать, не больше. Вряд ли они опоздают: Герда была пунктуальна, как часы. Или, что еще хуже, как электронные часы без малейшего права на неточность. Мне хотелось курить, но требовалось немного потерпеть. Закурю я чуть позже и в другом месте. Правда, сигарета могла бы меня отвлечь от собственных рук, которые я не знала куда девать. Я скомкала уже пару салфеток, на очереди была третья. Я вцепилась в чашку с кофе. Но она была пуста – кофе я выпила еще полчаса тому назад и теперь маялась просто так. Со стороны вообще могло показаться – сидит чокнутая тетка и смотрит то в окно, на улицу, то оглядывает стол, то в свою чашку пялится. Но мне было на это ровным счетом наплевать!

И тут я увидела их. Ширококостную женщину шестидесяти лет в сером пальто и пятилетнюю девочку в прелестном синем пальтишке, с куклой в руках. От легкого осеннего холода ее щеки разругались, и она шла, сосредоточенно глядя прямо перед собой и крепко прижимая к себе куклу.

Я сжала чашку с такой силой, что у меня свело пальцы. «Лиза! – мысленно послала я ей сигнал. – Лиза, ну, пожалуйста, посмотри на меня! Я тебя умоляю!» Мой сигнал, разумеется, остался без ответа. Мысли мои лихорадочно заметались, закружились, как стайка пугливых ворон, когда их стоняют с места.

Мне сразу захотелось сделать одновременно несколько дел: вскочить со стула и рвануть к выходу, пересесть на другое место, чтобы лучше видеть вошедших, или пойти к стойке и заказать еще один кофе, а потом закурить – и плевать на все.

Но я осталась сидеть за столиком. Как пришибленная.

Дверь кафе открылась. Я слегка повернула голову и уперлась взглядом в женщину, пустившую девочку вперед.

Я не отрываясь смотрела на Лизу. Она разругалась; вид у нее был недовольно-сонный, мол, разбудили и потащили куда-то... «А я хотела остаться дома, – было написано на лице. – И никуда не ходить». Но каждый выходной Герда забирала Лизу и шла с ней в это кафе. Нерушимая традиция.

«Лиза, я здесь, – сигналила я. – Посмотри на меня! Ну что тебе стоит?»

Лиза с Гердой сели за столик в углу, к ним подошел официант. Я видела, как шевелятся губы Герды, как ее суровое лицо становится еще мрачнее из-за необходимости общения с официантом. Как я помнила, она всегда была чем-то недовольна. Моя бывшая свекровь...

Лиза сидела, подперев щеку рукой, и выводила на столе пальцем узоры. Герда что-то сказала ей, и она выпрямилась на стуле с хмурой гримаской.

Идиотка! Что за манера – без конца делать ребенку замечания? По каждому поводу! И считать, что так правильно воспитываешь девочку. Представляю, как она задергала Лизу... Мне хотелось подскочить к Герде, чем-то крепко треснуть ее, схватить в ахапку Лизу и убежать – как можно дальше – вместе с ней.

А что... если... мелькнула в моей голове смутная мысль... Но я тут же прогнала ее.

Лиза ела пирожное, обсыпанное сахарной пудрой, и пила сок из высокого стакана. Она ела медленно, не спеша, посадив куклу к себе на колени. Герда же поглощала свой заказ с

таким видом, словно она делала одолжение всему свету. И обслуживающему персоналу кафе в том числе.

Герда наклонилась к Лизе и что-то сказала ей. Ребенок вскинул голову, и на ее лице Лизы отразилось выражение обиды.

Что она сказала ей? Господи, что? Я даже вспотела, разгадывая этот ребус. Парик снова тихонько пополз на макушку, и я поправила его.

Доев пирожное, Лиза взяла куклу и спрыгнула со стула.

И у меня вновь промелькнула одна мысль. Я вынула из сумки сотовый и набрала номер Герды. Та нахмурилась, словно звонок мобильного никак не вписывался в ее утренние планы. Она взяла трубку, но я нажала на отбой.

О чем бы я могла поговорить с Гердой? Проще было бы подойти к столику и сказать: «Здрасьте! Не ожидали?» И увидеть, как на ее физиономии появится выражение злости и раздражения. Крепко же меня не любила эта семейка!

Герда заказала еще кофе. А Лиза, с трудом потянув тяжелую дверь на себя, отворила ее и вышла на улицу.

Первое время после моего приезда в Швецию я никак не могла привыкнуть к тому, что здесь более безопасная ситуация, чем в России, и дети спокойно могут оставаться без присмотра родителей на улице.

Тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, я оставила деньги за кофе на столе и двинулась к выходу.

Решение пришло спонтанно, и я ничего не могла с собой поделать.

Резко рванув дверь на себя, я оказалась на улице. Лиза сидела на скамейке поодаль и что-то напевала кукле. Я подошла ближе. Сердце делало сто пятьдесят ударов в минуту, во рту пересохло.

– Лиза! – Я подошла к ней. – Лиза!

Она вскинула на меня глаза, в них отразилось изумление. И я вдруг сообразила, что – балда! – не сняла парик: ребенок мог меня испугаться! Я поспешно стянула парик и бросила его в сумку.

– Это я!

– Мама? – шепотом спросила Лиза. – Ты здесь?!

Мы с Лизой разговаривали по-русски. Я учила ее русскому языку с того самого момента, когда она начала говорить, несмотря на то, что Берну это не очень нравилось и он все время повторял мне, что я забиваю голову девочки разными глупостями.

Она кинулась ко мне со всех ног, я подхватила ее на руки.

– Лиза! – Я целовала ее в холодные щечки и чувствовала, как на моих глазах выступают предательские слезы. – Лиза! Как ты?

– Плохо, – зашептала дочь. – Герда меня все время ругает и ничего не дает делать, она выкинула моего Свона – мишку, ну, ты помнишь?

– Ага! – Я уже не помнила всех ее многочисленных плюшевых мишек, которым она давала разные имена, вся эта плюшевая гвардия размещалась на полках в ее комнате вместе с куклами и игрушечными паровозиками. – И что? – Я наслаждалась звуками Лизиного голоса и радостно-бессмысленно смотрела на нее, жадно отмечая все происшедшие с моей дочкой изменения: выпал крайний зуб слева, теперь там была дырочка. На лбу – слабая царапинка...

– Ты упала? – спросила я, легко тронув ее пальцем.

– Мирта меня цапнула.

– Кто такая Мирта?

– Новая кошка. Она жила у нас, но убежала.

Господи! У моего ребенка – новая кошка, а я ничего об этом не знаю!

– Лиза! – раздался громкий Гердин окрик. – Лиза!

Она уже шла к нам – старая ведьма, изрядно попившая моей крови.
Я резко развернулась к ней.

При моем виде ее лицо вытянулось. А в следующий момент она открыла рот и четко сказала:

– Отойди от ребенка. Ты не имеешь права разговаривать с ней. Только с согласия Берна. Иначе я вызову полицию!

Больше всего меня резанула эта ее невозмутимость. Я была для нее никто, и она даже не хотела тратить на меня свои нервы и эмоции. Она говорила громко, отчетливо, словно отдавала мне приказания или отгоняла приبلудную кошку.

– Я повторяю – отойди от ребенка.

– Слушай... – Я перешла на шведский. – Я приехала к собственной дочери. – Мой голос помимо моей воли и желания предательски дрожит... В эту минуту я презираю себя, но ничего не могу с собой поделать. Этот холодный тон, этот ледяной взгляд, эти замороженные манеры потихонечку пробуждают во мне бешенство.

– Лиза! – уже громче и повелительнее. – Отойди от нее!

– Да как вы смеете! – Я шагнула к Лизе, и мой голос зазвенел от отчаяния: – Это вы отойдите от нее!

Она открыла рот, и ее глаза впились в меня. Но я стойко выдержала этот взгляд.

– Есть приговор судьи, имеется постановление. Ты не должна приезжать сюда без разрешения и согласования с Берном. Понятно?

– Ага! – в моей гортани поднимался истеричный смех. – Не должна, как же! Я мать и хочу видеть свою дочь.

Но Герда уже решительно шагнула к Лизе и дернула ее за руку. Нижняя губа девочки оттопырилась, и я поняла, что сейчас она заплачет.

– Отпусти ребенка! – Я подскочила к Лизе с другой стороны.

– Отойди! Ты не должна сюда приезжать и видеть Лизу.

Ну что она заладила, как попугай! Не должна, не должна!

И вдруг я ощутила странную легкость. Мне уже нечего было терять в глазах этой мегеры. И я замысловато выругалась. И по тому, как дрогнула ее рука и в глубине ее глаз появилось странное выражение – не то страха, не то удивления, – я поняла, что мне наконец-то удалось ее пронять, прошибить! Найти ее уязвимое место и воткнуть в него шпильку. Не все же мне одной нести тяжелое бремя жертв эдакой безотказной овечки! Я могу быть и другой! Похоже, она здорово удивилась – не ожидала от меня такого.

Герда возмущенно сверкнула на меня глазами и сказала, что она подаст заявление в суд. Ясное дело, что ничего хорошего меня с этой семейкой не ждет. Ни в обозримом будущем, ни в туманном далеке. Сдаваться они не собирались, уступить мне – тоже.

Я хотела снова выругаться, но, увидев взгляд Лизы, осеклась. Ну и черт с ними!

– Лиза!..

Но они уже ушли. Лиза пару раз обернулась, но каждый раз Герда сердито дергала ее за руку и тащила вперед. Я, конечно, могла догнать их, схватить Лизу и пообщаться с ней еще хоть пять минут. Но я знала Герду и понимала, что она не шутила и не пугала меня полицией просто так, к слову. Герда – молоток. Скажет – и сделает. За этим у нее не станет. И мне остается только побыстрее сматывать отсюда удочки, пока моя бывшая свекровь не перешла от слов к действиям.

Я постояла на месте еще пару минут, поковыряла землю носком сапога. Из-за непролитых слез у меня перехватывало в горле, но я прекрасно понимала, что это тот самый случай, когда слезами горю не поможешь. И вообще, я уже достаточно нарыдалась из-за этой семейки. Зачем делать им еще один подарок? Они явно не заслуживают такой награды с моей стороны.

Я снова вошла в кафе. Мне нужно было в туалет. Там я умылась холодной водой и немного пришла в чувство. Я *сорвалась*. Я хотела просто посмотреть на Лизу издалека, убедиться, что с ней все в порядке, и уехать. Но не получилось. И похоже, что я все здорово испортила. Правда, я еще не знала, до какой степени. Что меня ждет? Новые судебные разбирательства или более строгие правила? Меня обяжут видеться с ребенком еще реже, чем теперь? Не раз в три месяца, а раз в полгода? В год?

Я напилась воды из-под крана. Даже вода не пахла хлоркой, как в наших российских туалетах, а была какой-то безвкусно-стерильной. Как и все здесь.

Я посмотрела на часы и заторопилась к выходу. До отлета оставалось немногим больше пяти часов. А мне еще надо было доехать до Стокгольма.

Я села в машину, которую взяла в аренду, как только прилетела в Стокгольм, и тут раздался звонок. Я посмотрела на экран дисплея. Номер был мне незнаком. Я нажала на кнопку соединения:

– Алло!

– Это Наталья Рагозина? – раздался мужской голос.

– Да.

– У меня к вам есть одно предложение. – Возникла пауза. – Вы хотите вернуть себе дочь? Мое сердце гулко заколотилось.

– Да, – прохрипела я.

– Я могу помочь вам. В обмен на одну услугу.

– Какую?

– Вы должны скопировать файлы из компьютера вашего мужа, Берна Андерссона, и передать их мне. А потом господин Андерссон подпишет мировое соглашение, по которому ваша дочь будет жить с вами.

– Вы... Вы... – И я невольно рассмеялась. – Он никогда не пойдет на это! Вы его не знаете! – почти выкрикнула я.

– Я смогу убедить его в этом.

– Каким образом?

– Информация в файлах представляет для меня интерес. И она опасна для вашего мужа. Но не вздумайте обойти меня или обыграть, – предупредил меня мой собеседник. – В противном случае... Ну, вы меня понимаете? – голос его понизился почти до шепота.

Я молчала. Потом все же отозвалась:

– Вы знаете... Это невозможно! Я с моим мужем не разговариваю и не общаюсь.

– Что ж! У вас есть мой телефон. Позвоните мне, если надумаете.

И нас разъединили.

Я повертела сотовый в руках. Черт! Что за глупые нелепые шутки!

С раздражением я убрала мобильный в сумку и задернула молнию. Идиот! Да Берна меня не подпустит к себе и на пушечный выстрел! Он... И мои губы задрожали. Усилием воли я взяла себя в руки, чтобы не разрыдаться, и повернула руль автомобиля.

* * *

В аэропорту в Москве меня встретила Вика. Ее фигурку в туго обтягивающих джинсах, в лиловом джемпере и короткой кожаной курточке я увидела еще издалека. Вика подпрыгивала на одном месте и энергично махала мне рукой.

Я устремилась к ней навстречу.

– Привет! – сказала она, чмокая меня в щеку. – Как ты?

– Лучше не спрашивай.

– А что такое? Подожди, у тебя кетчуп в уголке рта остался. Я сейчас вытру.

- Стой, мне нужно отдышаться и прийти в себя. Давай попьем кофе из автомата.
- Я – пас. Диета! – Вика похлопала себя по животу. – Маемся и страдаем.
- Почему во множественном числе?
- Дэн поддерживает меня и вдохновляет.
- А... – я закусила губу.

Дэн был отличным парнем, но, по-моему, он явно перебарщивал со своими требованиями к женской внешности. Он любил худеньких. Викуся была скорее плотного телосложения; толстой назвать ее было трудно, но и кандидаткой в топ-модели – тоже.

Я привыкла к своей подруге, и для меня она была просто веселой, компанейской Викой. Но у Дэна были свои требования, и Вика сразу стала подлаживаться под него. Волевым усилием ей удалось сначала похудеть на восемь килограммов. Потом еще на два. При этом пару раз Викуся падала в голодные обмороки, но это не остановило ее на тернистом пути по достижению надлежащей стройности. Теперь Дэн был ею доволен. Тоненькая Вика вполне могла претендовать на звание его постоянной подруги.

На этом список изменений во внешности моей подруги не закончился. Дэну нравились длинные волосы, и Вика со рвением принялась их отращивать. Теперь вместо зазорной короткой стрижки на голове у моего Викикуса имелась буйная шевелюра с американской химической завивкой.

Они были вместе уже три года. И Вика сама часто признавалась мне, что Дэн – любовь всей ее жизни. Что она никогда не влюблялась так сильно и уже никогда больше никого другого не полюбит. А в ответ на мои скептические ухмылки она обрывала меня: мол, что я этом понимаю? Сама я, мол, никогда так не любила! И я сразу замолкала, не желая разговаривать на эту тему. Я часто думала: могла ли бы я так измениться ради своего мужчины? Получалось, что вряд ли. Скорее я послала бы его далеко и надолго, да так, что он забыл бы сразу номер моего телефона и этаж, на котором я живу. Но с влюбленной женщиной не поспоришь. И я старалась не возражать Вике, чтобы не доводить ее до белого каления. Тем более что характер у нее был взрывной, как и у меня. А двум факелам лучше не воспламеняться, чтобы не возник вселенский пожар.

- Где тут автомат? – Вика обвела взглядом зал. – А, вижу. Пошли туда!
- И, подхватив мою сумку, она рванула в угол.
- Ты что? Я еще сама могу нести свой багаж, – заметила я.
- Ты устала. А я полна сил, – возразила Вика. – Тебе не хочется, чтобы я за тобой поухаживала?
- Сдаюсь. Ты меня уломала.
- Вика направилась к диванчику и заботливо усадила меня.
- Побудь здесь, я тебе все принесу. Какой тебе кофе? Американо? Эспresso? Капучино?
- Горячий шоколад.
- Ладно.

Я не успела ничего сказать, как Вика быстрыми шагами направилась к кофейному автомату.

- Одну порцию? – донеслось до меня.
- Одну.

В ответ она подняла большой палец.

Через пару секунд Викуся стояла напротив меня с коричневым пластиковым стаканчиком в руках.

- Бери! Только не облейся!

Предупреждение это поступило вовремя. Когда я брала стаканчик из ее рук, моя рука невольно дрогнула и несколько капель упали на черную обивку диванчика.

- Ну-ну! Я же предупреждала.

– Нервы! – вяло оправдывалась я. – Недосып. – Ну почему я все время перед Викой чувствую себя какой-то неправильной, недоделанной, что ли? Словно у меня нет одной руки или с мозгами не все в порядке.

– Ладно! – Вика сменила гнев на милость. – Выкладывай, что и как. Или постой, расскажешь, когда приедешь к нам.

– Рассказывать особо нечего. Похоже, что я все испортила. Как бы мне не дожидаться кучи новых пакостей со стороны моих дражайших родственничков!

Вика слушала меня внимательно. На ее лице появилось сосредоточенное выражение, словно она в уме решала сложную задачу.

– Ну, это все не так страшно, – бросила она, выслушав мой тягостный рассказ.

– Я себя чувствую прямо какой-то Анной Карениной! Только благородства у Берна еще меньше, чем у чинуши Каренина.

Мысли Вики обычно витают вдали от литературных аллегорий. Она явно думала о чем-то своем, и мне на секунду даже стало обидно: я ей тут свою душу нараспашку выворачиваю, а она – в своих мыслях! И я решила вернуть ее на землю. Тихо и аккуратно.

– А где Дэн? Он не приедет? Ты же говорила, что Дэн заберет меня. Или нам придется брать такси?

– Нет. Дэн приедет. Но попозже. Заявились его родственники... – И Вика многозначительно умолкла.

На моем лице растеклась понимающая улыбка, которая, впрочем, сразу исчезла: Вика могла обидеться. Существенным минусом Дэна в моих глазах было наличие его многочисленных родственников в Пензе. Сам он был оттуда, но за последние семь лет сменил прописку. А вот его родственники – нет. И поэтому они считали своим долгом наносить Дэну регулярные визиты, обременяя его многочисленными просьбами и требованиями. Особенно Дэн возился со своей старшей сестрой Дусей, которую бросил муж-алкоголик, оставив на ее попечении четверых детей – троих пацанов и одну девчонку. Она то и дело моталась в Москву, пытаясь найти постоянную работу. Но это было практически невозможно: лошадиная физиономия бедной Дуси напрочь отбивала желание работодателей иметь с ней дело. Но она не сдавалась и вновь и вновь штурмовала Москву.

Нужно ли говорить, что родственники ночевали и дневали в однушке Дэна, в то время как он жил с Викторией в ее маленькой двухкомнатной квартире с крохотным коридорчиком.

– Понятно. И он их встречает?

– Естественно. – Говорить на эту тему Вика явно была не расположена, и я замолкла.

– А что касается тебя, я думаю... – И тут уже она умолкла, потому что появился Дэн, и на лице у Вики возникло некое мечтательное выражение. Сладкое-сладкое, как будто она съела вкуснейший шоколадный торт со взбитыми сливками. Хотя это из области фантастики – Вика же теперь сидит на диетах.

Дэн подошел к нам – красивый брюнет двухметрового роста, с лениво-презрительным выражением лица. Как меня все достали – было написано на нем. Дэн был душка и обаяшка. Но, как я сильно подозревала, только со «своими» или с нужными людьми. На остальных ему было просто жаль времени и сил.

– Привет! – лениво бросил он мне.

– Привет!

– Хорошо долетела?

– Нормально, – буркнула я.

Викуся выразительно расширила глаза и кивнула в мою сторону. Дэн усмехнулся:

– Значит, все нормально?

– Так нормально, что хочется взять веревку и удавиться!

– Это ты всегда успеешь сделать. Главное – не раскисать. А сейчас ты едешь к нам. И там все рассказываешь по порядку.

– К вам – это куда? – испугалась я: представляю, как мне придется спать в одной комнате вместе с Дуськиными отпрысками!

– На дачу, естественно, – фыркнула Вика. – Куда же еще!

– Постой, там же недострой грандиозный. Ты сама еще недавно жаловалась мне, что эта стройка века никогда не будет закончена. Вы разве уже все построили?

На лице Дэна изобразилась ленивая ухмылка. Ему даже лень было мне ответить. Этому самодовольному и самовлюбленному красавцу!

– Ну... до последнего этапа еще далеко. Но кое-что мы привели в порядок, и можно уже приезжать и жить там. Так что тебе предоставляется уникальная возможность опробовать наши новые апартаменты.

Я хорошо умею читать между строк. Вика, измученная дэновскими родственниками, которые без конца пасутся в его квартире да еще норовят проникнуть на Викину жилплощадь, либо влезла в долги, либо взяла кредит, чтобы покончить с дачным долгострем. Когда мне представится возможность, спрошу у нее об этом поподробнее.

Дэн взял у Вики мою сумку, которая за последние полчаса переходила из рук в руки, как почетное знамя спортивной спартакиады, и быстрыми шагами двинулся вперед. Мы с Викторией рванули за ним.

– Отлично, – запоздало откликнулась я. – А шампанское будет к столу?

Вика восприняла мои слова всерьез.

– Еще бы! У нас уже холодильник битком забит продуктами и напитками. Есть там и шампанское. И кое-что покрепче. Выбирай что хочешь.

– Вы уже окончательно переселились за город?

– Еще нет... – напустила туману Вика. – Но, возможно, вскоре... – Мы вышли из здания аэропорта. Меня с ног до головы обдало холодным воздухом, и я пожалела, что не захватила перчатки. Мерзлячка-то я еще та.

– Перчаток с собой нет? – догадалась Вика. – Возьми мои.

– Спасибо.

Викины перчатки были мне велики, и мои маленькие руки-лапки, как называл их когда-то один мой любимый мужчина, утонули в них. Но это лучше, чем ничего, и я от облегчения пошевелила пальцами. Вроде не холодно.

Но вот моя курточка явно не по погоде. Короткая кожаная курточка была в самый раз, когда я уезжала из Москвы в Гетеборг, но дома она уже не спасала от холода. И еще тонкий шарф из легкого трикотажа, из тех, что продаются в молодежных магазинах, на распродажах. Мне понравилась его расцветка, и я купила этот длинный, в три оборота вокруг шеи, коричнево-красный шарф, который обалденно шел к моим огненным волосам. Моя мама в таких случаях говорила: один пожар хорошо, а два, конечно, лучше....

Мы подошли к новенькой, только что оттюнингованной «Тойоте».

– Ого! – У меня взлетели брови. – Да вы, ребята, явно пошли в гору!

– У Дэна дела идут хорошо, тыфу, тыфу, чтобы не сглазить.

– Поздравляю.

Вика промолчала, явно не желая больше говорить на эту тему.

Я порадовалась за Вику, потому что с момента моего знакомства с Викиным парнем у меня не однажды возникали сомнения в его способностях зарабатывать более-менее приличные бабки. А уж вести бизнес – тем более. Все-таки бизнес предполагает наличие определенных черт характера: цепкости, быстрого реагирования, еще более быстрого шевеления мозгами. А здесь – полный расслабон: эдакое ленивое животное, бесконечно влюбленное в самое себя. Но, оказывается, я ошиблась.

Мы сели в машину. Вика устроилась рядом со мной, взяла меня за руку и успокаивающе вымолвила:

– Все образуется.

Но в ответ на этот простой жест я испытала прямо-таки жуткое, непереносимое раздражение и вырвала свою руку. Мало того, что я в присутствии Вики частенько испытываю комплекс неполноценности, так она еще со мной как с малым ребенком обращаться вздумала! А я терпеть не могу, когда меня жалеют. Сразу кажусь себе какой-то гаденькой и маленькой. Словом, полным ничтожеством. Но Вика сделала вид, что не заметила моего жеста.

– Может, остановить машину и купить тебе воды? – заботливым тоном спросила она.

– Не надо.

– Отлепись от человека, – добродушно сказал Дэн. – Не видишь, она в ауте.

– Вижу, – откликнулась Вика. – Но не могу же я сидеть сложа руки, в то время как моя подруга...

– А ты не сиди! А просто помолчи. Похоже, твоя трескотня действует ей на нервы.

В эту минуту я испытала к Дэну прилив теплых чувств. Вот человек – сразу понял, что мне нужно: полная тишина и никакого сочувствия и опеки. Просто тишина.

Мы ехали по улицам Москвы в молчании. Вика сосредоточенно смотрела на дорогу, словно это она управляла машиной, а не Дэн.

Я же то озирала темные улицы, где уже зажглись фонари, то взглядывала на Вику и на затылок Дэна. Мне захотелось спать, и я закрыла глаза. Но в памяти сразу возник образ Лизы, ее глаза и ямочки на щеках, и еще – тот последний взгляд, который она бросила на меня, полный испуга и растерянности, словно она уже не верила, что мы когда-то будем вместе.

– Вика! – я вцепилась в ее руку.

– Что еще?

– Ничего... – Я закусила губу и посмотрела в окно. Ко всему прочему, еще и погода за окном была под стать моему настроению – хмарно-дождливая. Мелкий дождь быстро усеял каплями окно машины, и все расплылось у меня перед глазами.

– Скоро приедем.

Но приехали мы, вопреки оптимистическому утверждению Вики, отнюдь не скоро. Дорога до дачи заняла больше двух часов, хотя Дэн ехал на приличной скорости, да и машин на трассе было немного. Эпопея с этой дачей разворачивалась на моих глазах вот уже на протяжении последних пяти лет. Вначале Вика взяла участок, когда работала в строительной компании, практически задаром. Участок был на краю товарищества, к тому же неправильной формы – в виде трапеции, и желающих на него не находилось. Потом земля в этом районе жутко подорожала, и Вика оказалась в выигрыше. Но из строительной компании она к тому времени уволилась, вернее, ее попросили уйти – фирма переживала не лучшие времена, и Вика попала в первые кандидатуры на вылет. Она успела построить там только сарай, и долгое время это было единственным зданием на ее пятнадцати сотках. Мы с Викторией ездили несколько раз на ее дачу в летнее время, устраивали там пикники, хохотали так, что нас было слышно на другом конце товарищества.

Вику вполне устраивал сарай; заниматься огородно-полевыми работами она не собиралась, дачу рассматривала как место, куда можно иногда свалить и оторваться по полной, но все изменилось, когда на ее горизонте появился Дэн. Вот тогда-то она и заговорила по-другому.

– Надо бы участок до ума довести, – сказала она как-то, наморщив лоб.

– Что ты имеешь в виду? – Я тогда была уже замужней дамой, приехала на неделю из Швеции погостить в Москву, рада была увидеть свою подругу и ее слова пропустила мимо ушей.

– Дом построить, и все такое.

– Тебе же это раньше не парило.

– Да... но теперь у меня есть Дэн. Нам нужно куда-то выезжать летом.

– Сарай вас не устраивает? – фыркнула я.

Вика покрутила пальцем у виска.

– Какой сарай? Мы что, не люди, что ли? Вон ты как обустроилась в своем шведском городишке. Собственный дом, и все прочее!

– Делай как хочешь! – махнула я рукой. Ссориться с подругой мне не хотелось. – Если Дэн считает, что вам нужен приличный дом, то стройтесь. Карты вам в руки.

– Так считаю прежде всего я, – отрезала Вика.

С тех пор утекло много воды. Я рассталась с Берном. У меня отобрали Лизу. А Вика понемногу строилась. Сначала был поставлен фундамент – могильная плита устрашающих размеров. Когда я увидела ее в первый раз, то мимоходом поинтересовалась:

– Ты хочешь отгрохать летнюю резиденцию олигарха?

Вика шутки не поняла и обиделась. Больше я на эту тему не шутила. Ей хотелось выглядеть не хуже, чем другие, в их садовом товариществе с претенциозным названием «Дарина». А между тем там покупали землю и строились люди весьма состоятельные: дома росли быстро, споро. И один дом не был похож на другой. Хотя, на мой взгляд, все это была сплошная безвкусица: все дома – с колоннами внизу и башенками наверху. С широкими балконами-террасами, как у вилл на юге Италии. А потом эти постройки обносились массивными высокими заборами, за которыми ничего нельзя было разглядеть.

Я поймала себя на мысли, что так много думаю о Викиной даче, потому что это меня отвлекает и не дает полностью погрузиться в свои траурные мысли. Я понимала, почему я не поехала из аэропорта в свою «холостяцкую» квартиру, где уже в течение многих месяцев царил полный бардак, на который, честно говоря, мне было абсолютно наплевать.

Сегодня вечером мне не хотелось оставаться одной...

– Приехали! – Вика энергично потрепала меня по руке. – Вылезай.

Едва я вышла из машины, как порыв холодного мокрого ветра обдал меня волнами промозглой сырости. Я поежилась:

– Бр-р-р!

Вокруг стояла непроницаемо-кромешная темнота. Про такую обычно говорят: хоть глаз выколи.

– Пошли! – скомандовала Вика.

Немного поковырявшись с воротами, Дэн открыл их и качнул головой:

– Я пока загоню машину. А вы – в дом!

Мы потопали по тропинке, выложенной белыми плитами, к дому. Даже в темноте дом производил впечатление – трехэтажный, большой, с широкой застекленной верандой.

– Ну как? – не удержалась Вика.

– Гр-ран-дио-зно! – задрала я вверх голову. – А зачем три этажа? Не много?

– В самый раз! – Вика быстро открыла ключом дверь и пропустила меня вперед: – Не упали. Постой на месте, пока я свет зажгу.

Вспыхнувший свет осветил все великолепие дома. Первый этаж был почти закончен и готов для жилья.

– Осталось наверху кое-что доделать, – сказала Вика. – Проходи в гостиную. Сейчас я чай тебе приготовлю, или ты хочешь поужинать?

– Без разницы. Давай чай. Пряники какие-нибудь есть? Только не черствые. А то у меня один зуб подозрительно шатается.

– Печенье, шоколад, конфеты?

– Этого вполне достаточно.

Я плюхнулась на синий диван и потерла озябшие руки.

Вика ушла в кухню, а я осталась сидеть на диване, тупо смотря прямо перед собой. «Мама, ты насовсем приехала?» – звенел в моих ушах Лизин голос. Я тряхнула головой.

– Вик! – крикнула я.

– Иди сюда, – отозвалась она. – А то мне неудобно с тобой перекрикиваться. Я Дэну ужин готовлю. Он к вечеру, как троглодит, голодный становится. Говорит: пока не накормишь – свои бла-бла не разводи.

На сковороде жарился сочный кусок мяса. Вика время от времени тыкала в него вилкой и переворачивала его. Из мяса вытекал сок, шипя и пузырясь на сковороде.

Я пила чай с шоколадными конфетами, маленькими глотками. Чай был слишком горячим.

– Вик! У тебя что-нибудь покрепче есть? Водочка там, коньячок...

– Опять? – поджала губы Вика. – Ты же обещала!

– Ну, я замерзла! Должна же я согреться? – разыграла я законное возмущение.

Вика прекрасно помнила, как год тому назад она возилась со мной, спасая меня от пьянства. Она приезжала ко мне и выгребала целые батареи бутылок, нещадно ругая меня при этом. Я же вяло отбрехивалась, понимая всю справедливость Викиных слов. Но менять что-либо я тогда не хотела.

– Ладно, одна рюмка тебе не повредит. Возьми в баре. Какходишь в гостиную, направо. Там и найдешь.

– Ага! Спасибо! – Я чмокнула ее в щеку. Мне и в самом деле жутко хотелось напиться. Надо как-то спереть эту бутылку, утащить ее к себе в комнату и там оттянуться как следует. Если я не напьюсь до чертиков, то со мной случится форменная истерика! А в гостях истерить – нехорошо. С этими мыслями я повернулась к Вике спиной и пошла в гостиную. Бар был набит разными бутылками. Я высмотрела водку и только было собралась взять ее, как вдруг мне пришла в голову одна мысль.

– Слушай! А где я буду спать? – спросила я.

– У нас пока только две комнаты отделаны. В одной ляжем мы с Дэном, в другой – ты. Устраивает?

– Вполне. А где она находится?

– Ты уже хочешь уйти к себе?

– Да. Что-то в сон тянет. Перелет... нервы. То да се. Хочется бухнуться в койку и отоспаться.

– Подожди, сейчас Дэн придет. А то он обидится.

Я скорчила шутливую гримаску, но осталась. Дэн появился, когда мясо пожарилось, как специально подгадал. Он встал посреди кухни и обвел ее внимательным взглядом:

– Ужин готов?

– А как же! – откликнулась Вика. – Мясо, салат овощной. Есть еще пирожки.

– О'кей.

Дэн уселся на табурету и развалился, глядя на меня таким взглядом, что я могла бы решить: он меня клеит, – если бы не знала, что Дэну я по барабану.

Я съежилась: от этого взгляда мне стало неуютно, как-то не по себе.

– Я пойду! – вскочила я со своей табуретки.

– Иди! Твоя комната на втором этаже по коридору и направо. Предпоследняя дверь. Блин, там же холодно. Балда я! Надо было сразу включить рефлектор. Сейчас бы там уже потеплело, – сказала Вика.

– Ничего. Сойдет и так. Я сама включу, на этот счет не беспокойся.

– Еще... туалет в другом конце коридора. Запомнишь?

Я утвердительно кивнула.

– Тогда до утра. Ты можешь проснуться, а нас уже не будет. Мы уедем рано, вернемся только к вечеру. Но я еще позвоню тебе в течение дня. Буду держать руку на пульсе, – заявила Вика.

– Завтра я хочу уже поехать к себе домой, – сказала я.

– Поживи здесь несколько днейков, – принялась уговаривать меня Вика. – Здесь хорошо. Тебе понравится! Соседей никаких нет. А если кто-то и есть, то они тебе не мешают. Живем мы тут замкнуто, никто друг с другом не общается. Тихо, спокойно. По-моему, то, что тебе надо.

– Посмотрим...

– Вот и хорошо. – Викин покровительственный тон был неискореним. Все понятно – она взяла надо мной шефство, без моего ведома. Но спорить с ней, огрызаться у меня не было ни сил, ни желания.

– Я пошла спать! – махнула я рукой.

Дэн молча кивнул мне.

Взяв бутылку из бара и стараясь производить при этом как можно меньше шума, я двинулась в том направлении, где должна была располагаться моя комната.

В помещении стояла холодрыга, и я пожалела, что не взяла с собой куртку. Включив свет, я сразу увидела у окна электрообогреватель-батарею. Я оттащила его поближе к кровати и включила. Комната была средних размеров, предметов мебелировки в ней имелось раз-два и обчелся. Возле стены – полуторная кровать, маленький светлый шкафчик, пара стульев и прикроватная тумбочка. Похоже на номер в отеле средней руки. Только «абстрактные», в бирюзово-серебристых разводах, обои выделялись на фоне общей скучноватой обстановки.

Я скинула сапоги и забралась с ногами на кровать. Достала из-за пазухи бутылку водки и отвинтила. Сделав пару глотков прямо из горла, я прислушалась: мне показалось, что Вика и Дэн о чем-то громко спорят. Но тут же я поняла, что ошиблась. Это дико завывал ветер, издавая разные по громкости и протяженности звуки. Поставив бутылку на пол, я встала и подошла к окну. Сапоги надевать мне не хотелось, и я прошлепала по холодному полу в одних тонких носках. Подойдя к окну, я села на подоконник и уставилась на пейзаж за стеклом. В такой темноте было трудно различить отдельно стоявшие деревья и соседний дом, точнее, его верхнюю половину. В одном из окон горел свет, и, вспомнив Викины слова насчет отсутствия соседей, я подумала, что она, очевидно, не в курсе насчет их появления. Увиденное за окном не прибавило мне оптимизма, напротив: из-за этих завываний ветра и непроглядной темноты мне стало еще хуже. Если только мне вообще могло стать *еще хуже*...

Я вернулась к кровати и, сев по-турецки, отпила еще несколько глотков водки из бутылки. Тепло растеклось по моему телу, я ощутила жжение в груди; неожиданный толчок изнутри – и через минуту я уже залилась слезами. Я вспомнила лицо Берна, когда я сказала ему о разводе, его презрительно-брезгливый взгляд и заявление, что Лизу он мне не отдаст. Я тогда не могла осознать, что он говорит правду и у меня отнимут Лизу; мне показалось, что он пытается таким способом надавить на меня, вернуть меня обратно. Но Берн не шутил; он просто решил меня наказать. По его мнению и по мнению всех его родных, я должна была денно и ночно молиться и благодарить бога за свой выигранный лотерейный билет – брак с ним, с Берном. И уходить от него я не имела права. Но уж если я решила это сделать, то мне четко дадут понять: кто есть кто...

Но тогда я ничего этого не осознавала. Я просто решила, что, раз мы стали друг другу противны, то зачем мучиться и страдать – лучше обрубить все сразу и расстаться. Мне не казалось это такой уж большой проблемой, меня даже не пугало слово «развод», как многих моих знакомых. Я встречала столько женщин, которые даже не представляли себе жизни без мужа – уж лучше сразу помереть или забиться в угол и никуда не высовываться, думали они. Эти клуши на все закрывали глаза: на маленькую зарплату супруга, на его многочисленных

любовниц, на воскресные попойки в кругу друзей, на бесконечное вранье и подарки два раза в год: на Новый год и на Восьмое марта... И все это прощалось – ради самого факта присутствия мужика рядом.

Но я-то была не такой! Я всегда считала себя сильной и самостоятельной женщиной, способной крепко стоять на собственных ногах. Но я не учла одного: что у меня отнимут дочь. Вот этого я не могла себе представить даже в самом кошмарном сне. А уж наяву...

Берн все продумал: судья была его не то бывшей, не то будущей любовницей – высокая крупная женщина с жидким светлыми волосами и холодным немигающим взглядом. Она-то и объявила окончательный вердикт: Лиза остается с отцом. Я не поняла и переспросила два раза, подумав, что здесь какая-то ошибка. Но нет, все было правильно. В тот момент мною владели лишь два чувства: растерянность и дикая усталость. Я кинулась к Берну, но он разговаривал со мной, как с прокаженной, и только повторил слова судьи. Я бросилась на него с кулаками, но он отскочил в сторону, сказав, чтобы я не глупила, иначе мне придется иметь дело с полицией. И все-таки я не могла до конца поверить, что мой бывший муж-иностранец оказался такой скотиной! Я пыталась воззвать к его благородным чувствам, но он лишь улыбался, наблюдая за моими напрасными потугами. По-моему, это его даже забавляло. Помощи мне было ждать абсолютно неоткуда, все были против меня. Просто раньше они тщательно скрывали свои чувства, а теперь маски были сброшены, и они могли показать себя во всей красе. Особенно, на мой взгляд, обрадовалась Герда. Она с самого начала невзлюбила меня, а теперь у нее не осталось надобности притворяться. Она даже не стала меня слушать и сказала, чтобы я забыла дорогу к их дому. Дочь мою они прекрасно воспитают и без меня. Конечно, добавила она, поджав губы, ты можешь видаться с дочерью, но постарайся не оказывать на нее дурного влияния. В противном случае тебя лишат и этого общения! Что значит – дурного, вскинула я на нее глаза? Это значит, невозмутимо отчеканила Герда, нельзя рассказывать ей гадости об отце или расписывать вашу Москву. У девочки может возникнуть желание поехать туда. И это ее очень, очень травмирует. Нельзя калечить психику ребенку! В ответ я громко расхохоталась. Я смеялась и тогда, когда Герда повернулась ко мне спиной. Мы встретились на нейтральной территории: в кафе, в центре города, я хотела обсудить с ней это ненормальное положение. Но она целиком встала на сторону сына. А впрочем, разве я ожидала чего-то другого от этой старой мегеры?

Мне показалось самым разумным уехать в Москву и разобраться с ситуацией там. Ведь не может быть, чтобы ребенка так просто взяли и отобрали у матери! Я понимала всю наивность своих вопросов и размышлений. Но в тот момент я еще не могла по-другому рассуждать... Мне все представлялось достаточным простым и легким. Мало ли что решили в Швеции! Но есть еще и российский суд, который обязательно встанет на мою сторону. Я приготовилась к новому суду, однако в Москве меня ждал удар. Моя ситуация оказалась безвыходной. Мне ничем не могли помочь. Все было правильным и законным, и мне оставалось только смириться с ситуацией и проклинать тот день, когда я согласилась выйти замуж за Берна.

Когда я узнала истинное положение дел у адвоката, меня словно ударили со всего размаху каким-то тяжелым предметом по голове, и я на время потеряла способность чувствовать, слышать и говорить. Я упала в обморок. Секретарша адвоката привела меня в чувство, приложив к моей голове лед из холодильника. Когда я очнулась, она предложила мне вызвать «Скорую». Я мотнула головой и выдавила: «Не надо». Миниатюрная брюнетка смотрела на меня холодно-равнодушно. А чего ты ожидала, читала я в ее взгляде. Раньше нужно было думать, дорогуша, когда ты женихалась с заморским принцем! Теперь уже поздно.

Я поднялась с пола на ватных ногах.

– Вы все поняли? – спросил меня адвокат, холеный мужчина пятидесяти с небольшим лет, склонный к полноте. На его лице было написано выражение скуки и досады, словно я

отвлекла его от важного дела. Для него я была невыгодным клиентом, отнимающим его драгоценное время.

Я не помнила, как оказалась на улице и как пошла к метро. Перед моими глазами все расплывалось от слез, превращаясь в сплошное мутно-серое пятно. Было лето, стояла жара, но я ничего не чувствовала. Очнулась я только от резкого скрежета тормозов машины и громкой ругани.

– Совсем кукукнулась? – повертел пальцем у виска высокий рыжий парень в синей футболке. – Под колеса лезешь, чокнутая! Если ты решила полный крантец себе устроить, то сделай это в другом месте, подальше от меня! Мне лишних неприятностей не надо! Я только права недавно переоформил.

– Простите, – выдавила я.

– Мне твои извинения ни к чему! Шлепай с дороги и больше никому под колеса не суйся. Идиотка!

Парень уехал, выдав мне на прощание порцию отборной ругани, а я поехала домой, стараясь сосредоточиться, хотя удавалось мне это с огромным трудом.

Добравшись до дома, я рухнула на кровать – и дала себе волю. Я стонала и каталась по подушке, как раненый зверь, сотрясаясь от рыданий. Только теперь до меня дошло, что у меня отобрали Лизу!

Я потеряла счет времени и полностью ушла в себя, отгородившись от внешнего мира. Я выходила из дома, только чтобы купить продукты и спиртное, без которого я уже не мыслила своей жизни. Только алкоголь давал мне чувство временного, отупляющего забвения. Мимолетного, краткого, но все равно мучительно-желанного. Я не подходила к телефону и не отвечала на звонки в дверь. Моя мать умерла семь лет тому назад, родных у меня не было, кроме троюродной сестры в Рязани, так что спасать меня было некому... Кроме Вики. А она проявила недюжинное упорство в борьбе с моей склонностью к забвению в алкоголе. Она приезжала и чуть ли не караулила меня у дверей моей квартиры, стучала кулаком в дверь и требовала, чтобы я открыла, иначе она вызовет милицию, психушку, МЧС и прочие органы помощи несознательным и опустившимся гражданам, к которым, без всякого сомнения, принадлежала и я. Затаив дыхание, я стояла у двери и молчала. Мне ужасно хотелось, чтобы она поскорее смоталась прочь, отвалила и не действовала мне на нервы! Так продолжалось три месяца. Вика взяла в союзники Петровича – моего соседа-пенсионера, упросив его присматривать за мной и иногда по-соседски заходить ко мне с просьбами о соли и спичках. При этом Вика не перестала атаковать меня своими приездами, во время которых она стояла у двери и тупо нажимала на звонок, а я, притихнув, так же тупо ждала в коридоре, когда она уедет.

Но однажды я не вытерпела и, распахнув дверь, принялась орать на нее, требуя, чтобы она оставила меня раз и навсегда в покое! Это моя жизнь, и я могу распоряжаться ею как хочу. И Вика к этому никакого отношения не имеет...

Вика, в свою очередь, принялась орать на меня. Она обвиняла меня в том, что я опустила руки и выбрала самый легкий путь, превратившись в окончательную алкоголичку. Мне нужно срочно завязывать с этим, пока не поздно! Женский алкоголизм неизлечим! В ответ я хохотала и желала ей поскорее отправляться к своему Дэну и не лезть в чужие дела. Мы тогда крепко разругались, и я захлопнула дверь. Но посреди ночи я не выдержала и позвонила Вике. Я рыдала и просила у нее прощения. Я вдруг поняла, что Вика – это единственная ниточка, которая еще удерживает меня в этой жизни и не дает мне окончательно свихнуться. Если я ее оттолкну, то останусь по-настоящему одна.

Вика примчалась ко мне на следующий день. Мы помирились, и я дала Вике слово больше не пить, взять себя в руки и попробовать договориться с Берном. Не окончательная же он скотина, сказала Вика. Да кто его знает, вяло откликнулась я.

Договориться с Берном не получилось (как я и думала). Он и его родственнички стояли на своем. Я ездила к Лизе раз в три месяца и каждый раз ощущала, что вначале я словно заново воскресаю, а потом умираю. И с каждым разом мне было все тяжелее, словно меня мучили приступы асфиксии и не хватало воздуха. Я должна была притворяться перед Лизой, делать вид, что все в порядке. Мама с папой просто теперь живут отдельно, твердила я ей. Но мама с папой любят Лизу! Очень любят! «Мама, а когда ты приедешь совсем-совсем?» – спрашивала меня Лиза, и я едва сдерживалась, чтобы не зареветь во весь голос. «Я хочу, чтобы ты жила с нами, как раньше, – говорила мне дочь. – Почему ты уехала, мамочка? Папа сказал, что у тебя дела...»

Я потрясла бутылку – больше половины я уже выпила. Я чувствовала себя несчастной и всеми покинутой. Несмотря на рефлектор, в комнате по-прежнему было холодно. Не так, как вначале, но все равно не жарко. А для таких мерзлячек, как я, – это просто кусочек Антарктиды в отдельно взятой комнате. Я накинула одеяло на ноги, так было теплее, и, закрыв глаза, провалилась в полудрему...

По возвращении из Швеции в Москву я часто срывалась и уходила в запой. Петрович сразу стучал на меня Вике, и та приезжала ко мне и устраивала разбор полетов по полной программе. Я слабо защищалась. Я заметила, что мои воля и решимость постепенно куда-то улечиваются. Словно я незаметно превращалась в другого человека: тихого, забитого, утратившего всякий интерес к жизни. Наверное, так оно и было, просто я не хотела в этом признаваться самой себе. Я почти потеряла всякую надежду вернуть Лизу. Дело мое было швах... Я пробовала обратиться еще к парочке адвокатов, но они все говорили одно и то же – мои шансы вернуть дочь равны нулю.

Ко всему прочему, в моей душе поселился страх, что я скоро лишусь и этих редких свиданий. В последний раз Берн тянул с моим приездом. Сначала он говорил, что Лиза болеет, потом – что она уехала вместе с его матерью погостить к ее двоюродной сестре. И в заключение он сухо сказал, что сам позвонит мне и скажет, когда мне приезжать.

Вот тогда-то я не выдержала и поехала в Швецию сама, по туристической путевке, чтобы повидать Лизу. Купила парик, вставила в глаза линзы, нацепила еще и очки с тонированными стеклами – для полной конспирации... Я хотела только посмотреть на свою дочь и убедиться, что с ней все в порядке. Но – не получилось, я сорвалась. И теперь мне оставалось только гадать – что предпримет Берн? Оставит все как есть или воспользуется случившимся, чтобы окончательно лишить меня прав видеться с дочерью? В том, что суд встанет на его сторону, сомнений у меня не было. Тем более что у него шуры-муры с судьей. Эта шведская телка, наверное, спит и видит, как затащить моего бывшего мужа в постель! Правда, здесь бы ее ждал крутой облом. Вместо знойного мачо ей пришлось бы возиться с нежным теленком...

Вспомнив о сексе с Берном, я невольно дернулась, и бутылка выскользнула из моих рук, с грохотом покотившись по полу. Черт! Я соскочила с кровати, но было уже поздно. Послышались Викины шаги. Я замерла на месте, быстро пнув бутылку ногой, чтобы она откатилась еще дальше. Дверь распахнулась, и Вика зажгла свет, устремив на меня холодный взгляд.

– Ты чем тут занимаешься? За тобой, как за ребенком, нужен постоянный контроль? Нельзя оставить ни на минуту?

– Да ладно, Вик, брось! – промямлила я, ощущая жуткую неловкость и досаду.

– Мало я с тобой возилась!

Удар ее попал в цель.

Я вспыхнула:

– Тебя никто об этом не просил!

Вика поняла, что она перегнула палку, и пошла на попятную:

– Сорри! Но ты же должна понять меня...

– А ты – меня...

Вика подошла ближе и, сев на кровать, погладила меня по руке:

– Я понимаю. Все понимаю.

Я прижалась к Вике. По сути дела, она была моей единственной опорой в этом жутком переплете, в который я угодила. Конечно, Вика иногда бывает невыносимой и поучает меня так, словно она записалась в мои старшие сестры или матери. Но мне следует все это терпеть, если я не хочу лишиться верной подруги. У нее куча своих дел, забот... Один Дэн чего стоит! С таким красивым мужиком вечно возникают проблемы. Первое время Вика жаловалась на то, что она его бешено ревнует. Сейчас эти ее жалобы прекратились, но, как мне кажется, это произошло не потому, что Дэн надел шкурку кроткого пай-мальчика, а потому, что Вика не желает выглядеть женщиной с проблемами. Она хочет всегда быть победительницей...

– Мир? – улыбнулась Вика, вставая с кровати.

– Мир! – отсалютовала я.

Проснувшись я от каких-то странных звуков. Я вскочила с кровати и прислушалась: мне показалось, что внизу кто-то ходит. Я поспешно натянула джинсы, свитер прямо на голое тело и, пригладив волосы, сошла вниз. Никого не было. На кухонном столе лежала записка: «Уехали, будем к вечеру. Вика. – И приписка внизу: – Гуляй, отдыхай, еда в холодильнике. Целую!»

Я скатала записку в комочек и задумалась. Честно говоря, я не знала, чего мне хотелось: уехать или остаться? Но, посмотрев в окно, я решила побыть здесь хотя бы еще денек. Погода стояла пасмурная, но без свинцовых облаков и темных туч. Деревья тихо светились в серебристом воздухе. Может быть, эта краткая пауза, передышка, немного восстановит мой душевный покой?

Я сварила и выпила две чашки кофе, есть мне не хотелось. Я отодвинула чашку и подумала, что сейчас самое время выйти на улицу: погода может в любой момент перемениться, а под дождем не погуляешь.

Заодно мне представится возможность осмотреть Викину фазенду с прилегающей к ней территорией. Вчера, уже почти в темноте, я не могла оценить масштабы строительства, развернувшегося благодаря Викиной инициативности. Все-таки деловая у меня подруга, не то что я! Вика всегда была неугомонна и шустра. В случаях, когда мне требовалось сперва хорошенько подумать, обмозговать, обсосать предстоящее дело со всех сторон, Вика принимала решения быстро и своевременно.

Я надела куртку, так и лежавшую со вчерашнего вечера на спинке дивана, и вышла в холл. Потянув на себя тяжелую дверь, я вышла на улицу. Легкий холодок обжег мне лицо, я поежилась и потеряла руки. Надо бы поискать где-нибудь у Вики перчатки или позвонить ей и спросить, где они лежат. Но мне было лень возвращаться и тем более идти на второй этаж к себе в комнату и доставать из сумки сотовый.

Я стояла на крыльце, с этой «диспозиции» хорошо просматривались окрестности. Вместо дырявой металлической сетки-рабицы вокруг участка вырос изящный забор, справа красовался бетонный пруд, изогнутый, вытянутый в длину, с ярким мостиком посередине. В пруду что-то блеснуло, и я приподнялась на цыпочки, чтобы лучше разглядеть. Вода! Пруд был больше чем наполовину заполнен водой, по ее глади тихо кружились ярко-красные и зелено-желтые листья клена, росшего рядом.

По участку было раскидано несколько старых больших деревьев, и Вика все не решалась их срубить. Пусть себе растут, говорила она, они никому не мешают. Я сделала несколько шагов по направлению к мостику, и вдруг через соседний забор перелетел теннисный мяч и с глухим плеском упал в воду.

Я посмотрела в ту сторону. Через пару секунд на заборе повис мальчишка лет девяти-десяти и уставился на меня.

– Мой мячик упал в воду! – выпалил он.
– Вижу, – отрезала я. – И что?
– Не могли бы вы его достать?
– Еще чего! Как я в воду полезу? Ты думаешь, что говоришь? На улице не лето, и вода – ледяная.

– Его можно подцепить палкой!

У мальчишки были покрасневшие от холода щеки, коротко стриженные волосы торчали ежиком, губы были упрямо сжаты, а ярко-синие глаза смотрели на меня строго и даже требовательно. Так, словно я сию же минуту должна была сигануть в эту холодную воду за его мячиком! Как собака, которой дали команду.

– И где я найду эту палку?

– Посмотрите вокруг.

– Слушай! – невольно рассердилась я. – Наверняка у тебя есть еще пара таких мячиков. Возвращайся в дом и поищи их там. Это лучше, чем вылавливать мяч из ледяной воды.

– Идти в дом неохота, – признался он и улыбнулся.

– Взаимно, мне тоже искать палку неохота!

Наступило молчание. Он висел на заборе и смотрел на меня. Я понимала, что через минуту он прыгнет и исчезнет из моего поля зрения, а я для него так и останусь злой теткой-мымрой, которая не захотела помочь ребенку выловить мячик.

– Ладно, – сжалилась я над ним. – Попробую поискать палку.

Он мотнул головой и явно повеселел:

– По-моему, около забора какой-то сук валяется. Вон там, – махнул он рукой, – справа, около куста. Видите?

– У тебя такое хорошее зрение? – удивилась я.

– Наследственное, – похвастался он. – У нас в роду все моряки и военные. Зрение – орлиное!

– Посмотрим, орел, насколько ты прав... – бросила я, топая в указанном направлении.

Мальчишка оказался прав. Толстый сук действительно лежал у куста, присыпанный с одной стороны сухими листьями.

Я нагнулась и подняла его с земли.

– Кажется, коротковат, – крикнула я. – Но попробовать можно.

Он одобрительно кивнул головой. Мне даже стало смешно. Этот пацан вел себя так, словно был старше меня на добрый десяток лет, если не на два. Так сказать, дедушка, командующий расшалившейся внучкой.

Помахивая суком в воздухе, я встала посередине мостика и прикинула, с какой стороны мне лучше подцепить мячик. Со всех сторон получалось, что сделать это весьма проблематично.

– Палка короткая, – пояснила я, – была бы подлиннее...

– Можно руку вытянуть, тогда расстояние сократится. Это же просто!

– Кому как...

Я опустила на колени и, просунув руку с палкой сквозь прутья мостика, вытянулась вперед, пытаясь подцепить мяч. Я не доставала до него совсем чуть-чуть, каких-то пять сантиметров, но от моего движения мячик сначала качнулся вправо, а потом скользнул по воде вперед. Блин! Упустила!

– Надо было рывком все сделать. А так вы только воду взбаламутили, – заявил мальчишка.

– Слушай, если ты собираешься мне советы давать, я вообще ничего делать не стану! – пригрозила ему я. – Так что виси на своем заборе молча. Без комментариев, они здесь лишние.

Я сошла с мостика и, прикинув на глаз, что с левого бортика я легко смогу дотянуться до желаемого предмета, опустилась на одно колено и опять вытянула руку с палкой вперед. Но от этого резкого движения я качнулась и полетела прямо в воду.

С забора до меня донесся неопределенный возглас – не то сдавленный смешок, не то испуганный вскрик. Подняв кучу брызг, я шлепнулась прямо на дно и сердито мотнула головой.

– Ну, что? Доволен?! Из-за твоего паршивого мячика я искупалась в этой луже.

– Простите. Я не хотел!

– Ясное дело, что не хотел... – Холодная вода достала мне почти по груди, и я готова была разорвать мальчишку на части. – Что это тебя вообще понесло с утра в теннис играть? Дома не сидится? Кстати, почему ты не в школе? – прокурорским голосом спросила я. – Прогуливаешь?

– Один день можно!

– Интересным вещам тебя учат родители!

Он замолчал.

Я схватила мокрый мяч и наконец вылезла из воды.

– Держи! Поймаешь или нет?

Мальчишка ловко поймал мяч левой рукой, держась правой за забор.

– Так ты в теннис играешь? – поинтересовалась я. Злиться или раздражаться на него мне уже не хотелось. В конце концов, ничего страшного не случилось. Ну, приняла холодную ванну. И что? Найду в доме какую-нибудь одежду и переоденусь. И всех делов-то! Высохну моментом.

– В большой, а в пинг-понг играю на даче, для разминки.

– Молодец. А учишься ты как?

– Нормально, – буркнул он.

– Нормально – это как? На тройки?

– Четверки тоже случаются.

– Ладно, будь здоров, играй дальше! – Я повернулась к нему спиной и пошла к дому.

– Вы наша новая соседка, или типа того? – донеслось до меня.

– Типа того, – передразнила я своего нового знакомого. – Я не соседка. Я в гостях у подруги. Отдохну здесь несколько деньков и поеду к себе домой.

– Ясно.

Я обернулась:

– А ты здесь живешь? Это твоя дача?

– Ага.

– Красивый у тебя дом! Папа, наверное, бизнесмен?

– Нет. Это дедушка построил.

– Молодец твой дедушка. Тебя как зовут?

– Федя. Как дедушку. А вас как зовут?

– Наталья Александровна.

– Спасибо, Наталья Александровна. – И мальчишка спрыгнул с забора.

На крыльце я сняла мокрые сапоги и, поставив их возле перил, в мокрых носках вошла в дом.

Стоя на пороге гостиной, я внимательно осмотрелась. Надо найти шкаф со шмотками и выудить оттуда запасной комплект одежды.

Наверняка какая-то одежда у Вики есть, но как ее найти? И главное – где?

Я обвела глазами пространство, и меня неожиданно осенило: надо поискать в их с Дэном комнате. Я поднялась на второй этаж и, пройдя почти до конца коридора, нашла семейное гнездышко Шаповаловых-Криницких. Шкаф там действительно имелся, но он был в основном забит шмотками Дэна. Получается, он тот еще франт, может дать сто очков вперед Вике.

Тряпки моей подруги скромно жались в уголке шкафа. Я перебрала их. Пара летних платьев, которые абсолютно не подходили в данном случае, жилетка без рукавов, короткая юбка, и никаких намеков на брюки. Придется мне высушить свои джинсы на рефлекторе, а пока погулять по ее дому в ее же платье. На улицу в таком виде не выйдешь. Да и куртка моя тоже нуждалась в сушке.

Я разделась, взяла из ящика Викино белье, надела платье, которое жало мне под мышками и было коротко – я выше Вики и худее, – накинула сверху пиджак Дэна и сошла босиком вниз. В гостиной стоял большой мощный рефлектор, можно было разложить на нем мокрые брюки вместе с курткой. На то, чтобы высушить заодно и свитер, я и не рассчитывала: он был плотной вязки, и на его сушку потребовалось бы дня два, не меньше. Им придется заняться в последнюю очередь. И потом, я не знала, надолго ли я здесь останусь...

Повесив на рефлектор одежду вместе с носками, я забралась на диван и задремала. Проснулась я от звонка сотового. Он отчаянно надрывался в моей комнате. Я рванула по лестнице наверх, но не успела – телефон замолк.

Я влетела в комнату, рванула молнию на сумке и выудила из нее мобильник. Звонил мой бывший одноклассник. С минуту-другую я размышляла: стоит ли перезванивать ему? Если уж я ему так нужна – сам позвонит еще раз. Тем более что он сидел целыми днями дома, времени у него было навалом. Но тут мои сомнения разом разрешились, потому телефон затрещал снова. Я нажала на кнопку соединения:

– Аллю!

– Это ты!

– Ну... зачем трезвонишь?

– Ты забыла, какой день сегодня?

– А что? Забыла, да, – честно призналась я.

– Сегодня наш традиционный слет одноклассников! И не простой, а юбилейный, – с нажимом сказал Юрка Просвирняков, по давней традиции имевший прозвище Свирня. – Рагоза! Как ты могла забыть об этом? Не понимаю.

– Очень просто. Проблем у меня выше крыши, вот я и забыла, – мрачно ответила я.

– Проблемы есть у всех, – назидательно сказал Свирня. – Это еще не повод воротить нос от бывших друзей!

– Я не ворочу, с радостью бы примчалась на тусовку, но я нахожусь далеко от Москвы и поэтому приехать не смогу...

– Насколько далеко? – поинтересовался Юрка.

– Сто десятый километр тебя устроит?

Он присвистнул:

– Действительно, глушь. Как ты туда забралась?

– В гости приехала!

– По грибы-ягоды?

Я чуть не рассмеялась:

– Какие ягоды, Юр! Все уже закончилось.

– Ну, я просто спросил.

– А я просто ответила. Отдыхаю я тут, расслабляюсь.

– Рагоза! Ты не имеешь права продинамить такое мероприятие. Все возражения отменяются!

– А что ты мне прикажешь делать? Ковер-самолет арендовать?

– Ты можешь взять машину и приехать! Мы собираемся в пять. Сейчас два часа. К шести ты точно доедешь, а то и раньше. Тебе до электрички далеко?

– Я даже не знаю, в каком направлении к ней идти. Я сюда на машине приехала. А где тут станция, помню я очень смутно.

– Ты можешь позвонить подруге и уточнить, – надавил он на меня.

– Теоретически могу... – Но я не могла признаться Юрке, что мне не очень хочется звонить Вике и ставить ее в известность о своем отъезде. Лучше оставить ей записку или позвонить уже постфактум. А то она начнет уговаривать меня не уезжать, станет читать мне нотации. Оно мне надо?

– И что? – спросил Свирня.

– Ладно, Юр! Я тебе перезвоню в ближайшее время, – скороговоркой сказала я и нажала на отбой. Похоже, у меня возникла одна идея.

Я вышла во двор и приблизилась к забору. Сначала я оказалась на бетонной «подушке», потом встала на цыпочки, вытянула шею и разглядела соседский двор. Он был прекрасно ухожен: аккуратно разбитые клумбы, на которых доцветали бледно-лиловые и бордовые астры, дорожки, выложенные розовой тротуарной плиткой, в углу – беседка. Рядом с домом на корточках сидел Федя и разжигал костер.

– Федя! – позвала я его. – Подойди ко мне, пожалуйста!

Он поднял голову:

– Наталья Александровна?

– Я, я! Разве не похожа?

– Сейчас подойду.

Мальчишка не спеша подошел к забору.

– Слушай! Ты здесь один? – спросила я его.

– С бабушкой, она на кухне. Вам ее позвать?

– У нее машина есть? Или вас сюда возят папа с дедушкой?

– У бабушки своя машина.

– А станция далеко?

– Так вам на станцию надо?

– Ну да...

– Я сейчас бабушку позову. Мигом! Она вам все и объяснит.

– Постой! – закричала я ему в спину. – Как зовут твою бабушку?

– Маргарита Алексеевна.

Маргарита Алексеевна оказалась моложавой женщиной лет пятидесяти пяти, среднего роста, с русыми волосами, красиво уложенными, словно она только что покинула парикмахерскую, и большими васильковыми глазами, искусно подведенными по моде черными стрелками. Она охотно взялась подвезти меня до станции в удобное для меня время. Немного подумав, я решила собраться как можно быстрее и выехать в Москву. Мы договорились встретиться у ворот ее коттеджа через пятнадцать минут.

Я пулей понеслась в дом. Схватила непросушенную одежду и сунула ее в большой пакет, который нашла в кухне, посмотрела на себя в зеркало. Видок у меня еще тот! В Денисовом пиджаке и летнем Викином платье... Мокрые сапоги мне пришлось положить в сумку и надеть Викины кроссовки. Хорошо еще, что мне удалось найти в шкафу тонкие колготки с рисунком. Короче, я выглядела форменным пугалом. Но выхода не было, и времени, чтобы дожидаться, пока моя одежда как следует просушится, тоже.

Уже выйдя из дома, я вспомнила, что забыла написать записку Вике. Но я решила, что позвоню ей и все объясню. И чем позже состоится наше объяснение, тем лучше, потому что выслушивать сейчас Викины нравоучения – уж это было совершенно некстати. Маргарита Алексеевна окинула меня выразительным взглядом, но ничего не сказала. До станции мы доехали за пятнадцать минут. Понятное дело, что пешком я шлепала бы значительно дольше. Маргарита Алексеевна выбралась из машины и кивнула мне:

– Вам на ту сторону путей. Расписание у вас есть?

Я развела руками:

– Нет...

– Сказали бы раньше, я бы захватила его из дома. У меня где-то на кухонной полке оно лежит.

– Ничего страшного, я подожду. Надеюсь, сейчас не перерыв.

Маргарита Алексеевна села в «Тойоту» и, кивнув мне на прощание, уехала.

Электричка пришла через десять минут. Я села к окну и, закрыв глаза, задремала. Время от времени меня будили крики «коробейников», разносивших по вагонам свой товар. Я встряхивала головой, пробуждаясь от краткого сна, и снова засыпала, как только их призывные голоса утихали.

В Москву я приехала к четырем дня. Мне нужно было еще заехать к себе домой и привести себя в надлежащий вид. На это дело у меня ушло около получаса. Я вынула свою одежду из пакета и положила ее в бак с грязным бельем, надела другие джинсы и белый свитер, распустила по плечам свои рыжие волосы и быстренько накрасилась. Теперь можно было выезжать на встречу с моими бывшими одноклассниками.

Уже из года в год мы встречались на хате у Тоньки Карагановой, обладательницы большой трехкомнатной квартиры, расположенной возле станции метро «Планерная». Тонька проживала там вдвоем со взрослой дочерью, которая во время наших посиделок куда-нибудь уходила, предоставляя возможность взрослым дяденькам и тетенькам потусоваться и оттянуться от души, вспоминая свои детство и юность.

Наш неизменный костяк составляли пятнадцать-двадцать человек. Остальные упорно не приходили, несмотря на Тонькины звонки и просьбы. Наверное, они считали, что встреча с прошлым в любой форме – нежелательна. А может, они просто на эту тему не заморачивались, не хотели тратить свое драгоценное время на эти сентиментальные посиделки.

Я позвонила в дверь, она сразу же распахнулась, и меня встретила веселая Тонька с бутылкой вина в руке.

– Натусь! – полезла она ко мне с поцелуями. – Рагозина пришла! – крикнула она, обернувшись через плечо.

Раздался одобрителный гул, и несколько человек высыпали в коридор. После дежурных приветствий «как дела?» и «что делаешь?» мы прошли в комнату, и навстречу мне поднялся улыбающийся Юрка Просвирняков.

– Таша! – распахнул он мне объятия. – Моя красавица явилась.

Юрка уже порядком перебрал. Он был моим ухажером с пятого по десятый класс, сохранил ко мне стойкую привязанность после своих двух краткосрочных браков и не менее молниеносных разводов и регулярно атаковал меня телефонными звонками, предлагая мне свою разнообразную помощь: начиная с мужской работы по дому и включая лично себя, собственной персоной. Мой отъезд за границу он воспринял как сплошное недоразумение, как временное помешательство с моей стороны и несколько раз звонил мне в Швецию, талдыча, чтобы я возвращалась домой и не глупила.

Когда я вернулась в Москву, Юркины атаки в мой адрес удвоились. Я с ним охотно трепалась, но приглашать к себе не собиралась, помня, как однажды попросила его передвинуть мебель, а он, явившись с двумя бутылками вина и огромным тортом, просидел у меня до утра, предпринимая отчаянные попытки сделать меня своей герл-френдшей. От чего я наотрез отказалась. Напившись в стельку, Юрка заснул в коридоре на раскладушке; он без конца ворочался и издавал оглушительный храп, от которого я не знала куда деваться.

Юрка был бывшим летчиком, комиссованным за пьянство. В настоящее время он не работал, перебивался мелкими случайными «халтурами», как он это называл.

– Привет! – Я чмокнула Юрку в щеку. – Ты давно здесь?

– Уже где-то час. Собирался тебе звонить, а тут ты явилась собственной персоной. Садись рядом со мной.

– Ну, естественно. Куда же я от тебя денусь? – пошутила я.

Через всю комнату протянулись два стола, поставленные друг к другу впритык. Разнообразные закуски, фрукты, салаты...

– По-моему, теперь все собрались! – сказала Тонька, раскрасневшаяся от постоянной беготни в кухню и обратно. – Еще Хромов обещал прийти, но как-то неопределенно. Можно начинать и без него! – подала она команду-сигнал.

Я понимала, почему приехала сюда. Мне было так тошно, что тошнее просто не бывает, и я отчаянно металась, пытаюсь чем-то заполнить возникшую в душе пустоту. Остаться у Вики мне не хотелось, вот я и рванула сюда, надеясь, что легкий треп и порядком потускневшие школьные воспоминания хоть немного отвлекут меня от моих собственных проблем.

Я тряхнула головой и перевела взгляд на окно. «Мама, ты здесь? Ты уже вернулась?..» – зазвучал в моих ушах голос Лизы. И ее отчаянный крик: «Мамочка!» Мое лицо исказилось, и я стиснула зубы.

– Таш! Ты что? – наклонился ко мне Юрка.

– Ты же знаешь, что, – шепотом ответила я. – Лиза!

О моей проблеме знал только Юрка. Остальным я просто как-то выдала скороговоркой, что я развелась, вернулась в Москву, ребенок пока остался в Швеции, но в скором времени, когда я устроюсь с работой, я возьму ее к себе. Мне не хотелось всеобщей жалости. Она бы меня просто доканала! А мне нужны были силы – для борьбы за Лизу.

– Понятно, – протянул он. – И зачем ты вообще вышла замуж за эту шведскую селедку. Выходила бы за меня, и все сейчас было бы о'кей!

Я держала в руках стакан с вином, от нахлынувших воспоминаний моя рука дрогнула, и вино пролилось на скатерть. Я-то знала, почему я вышла замуж за Берна. Знала!

Я вышла за него от отчаяния, оттого, что мой любимый человек оказался подонком и загремел в тюрьму. Оттого, что вся это карусельно-карамельная жизнь с ним стала действовать мне на нервы. Я ходила как по канату и могла сорваться в любой момент, и причиной тому был он. Моя страстная любовь, Родька Родин! Даже имя у него было – нарочно не придумаешь. Родион Родин – как рифма из стихотворения, написанного неумелым поэтом. Как только я увидела Родьку, так сразу же без памяти и влюбилась в него, даже не подумав, куда меня приведет это чувство.

Тогда мне все казалось восхитительно-легким и каким-то необязательным, и задумываться ни над чем мне не хотелось. Я приехала летом в курортный город Сочи вместе со своей подругой, Леной Глазиной, надеясь провести этот месяц, развлекаясь на всю катушку и веселясь до упаду. Мы отправились на юг спонтанно: купили билеты буквально в последний момент, собрали чемоданы и рванули к морю, поставив своих родных уже перед свершившимся фактом – мы едем в Сочи!

С первого курса я напропалую крутила романы, с легкостью бросая парней без всяких долгих объяснений и попыток наладить отношения заново. Мне это было, во-первых, не нужно, а во-вторых, я всегда ненавидела все эти разжевывания и выяснения отношений и инстинктивно старалась их избегать.

В своей среде я производила определенный фурор. Мой легкий характер, чувство юмора, огненно-рыжие волосы, эффектная внешность – все это притягивало ко мне мужчин как магнитом. Я не стремилась выскочить скорее замуж, в отличие от большинства моих однокурсниц, я просто наслаждалась веселыми студенческими годками.

Первые два дня мы с Леной осваивались в городе, подыскивая подходящее жилье. Нам хотелось снять нормальную комнату за недорогую плату, что оказалось не таким уж легким делом. В первую ночь нам пришлось довольствоваться койко-местом, снятым на окраине города, а на второй день мы возобновили свои поиски. И наконец нам повезло: мы нашли приемлемый вариант и, поставив чемоданы с сумками посреди комнаты, рванули на пляж. Мы

купались до посинения и загорали, пока у нас не стало пощипывать кожу, а вечером завалились в прибрежный бар. Лена с ходу подцепила ухажера – высокого блондина, который сразу стал потчевать ее анекдотами и веселыми байками для затравки, прежде чем перейти к следующему периоду ухаживания – секс-коечному. Я оставила их вдвоем и вышла на набережную: мне было душно. Я собиралась немного побродить по берегу, вдоль моря, и вернуться обратно. Я дошла до волнореза и двинулась по нему. Дойдя до конца, я остановилась и какое-то время смотрела на темную воду, в которой сверкали отражения огней прибрежных ресторанов и кафе.

– Любуется пейзажем? – раздался сзади насмешливый, чуть хриловатый голос.

Я резко обернулась. Передо мной стоял молодой человек – худощавый, слегка сутулый, с темными волосами, зачесанными назад, с лицом, на котором отчетливо выступали скулы, над тонкими губами тянулась ниточка усов. Руки он засунул в карманы брюк и изучающим взглядом смотрел на меня.

– А что? Нельзя? – с некоторым вызовом спросила я.

– Можно. И даже нужно. Ты здесь одна? – без всякого перехода поинтересовался мой собеседник.

– Данный вопрос мы рассматривать не станем, – отрезала я, собираясь обойти его. Но он преградил мне путь.

– Торопишься? – И парень улыбнулся хищной улыбкой. В нем было что-то от опасного зверя, готового в любой момент закогтить свою добычу.

– Вы мне пройти дадите или нет? Может, милицию позвать? – возвысила я голос.

– Зачем? Обойдемся без третьих лиц. Они нам не нужны. – Он шагнул вперед и застыл, подойдя ко мне почти вплотную.

Я собиралась отодвинуться от него, но так и замерла на месте, не будучи в силах пошевелиться. От моего нового знакомого веяло такой мужской силой и властью, что он буквально парализовал меня и лишил всяких попыток к сопротивлению или бегству. Во мне что-то дрогнуло, размягчилось, и я с удивлением обнаружила, что ноги внезапно стали ватными, а во рту образовалась сухость. Я сглотнула.

– Мне надо идти, – хриплым голосом сказала я.

– А торопиться не надо! У нас впереди много времени. – Он уселся на волнорез и похлопал ладонью по камням. – Садись!

Я опустилась на волнорез рядом с ним, плохо соображая, что я делаю.

Он придвинулся ко мне, и запах его кожи – терпкий, соленый – окончательно лишил меня воли. Мы сидели какое-то время молча, потом он положил руку на мою коленку и погладил ее. Его рука поползла выше, и я почувствовала, что истекаю соком, что я переполнена им! Очевидно, он тоже испытывал сильное желание, потому что рывком приподнял меня с места и кратко бросил:

– Поехали ко мне!

В маленькой комнате, где-то на окраине города, на узкой тесной кровати, мы яростно занимались сексом, как два голодных зверя, самой судьбой сведенные на краткое мгновение вместе. Я дрожала от каждого вкуса его прикосновения, таяла от его губ, а его гибкое поджарое тело сводило меня с ума...

Когда все закончилось, я выдохнула:

– Как тебя зовут?

– Ах да, – насмешливо сказал он. – Мы же еще не познакомились! Родион Родин.

– Наталья.

Он приподнялся на локте и спросил меня, глядя одной рукой грудь, от его поглаживания желание поднималось во мне с новой силой:

– Ну что, Таш! Переедешь ко мне?

– Да, – выдавила я, покусывая губы. – Да! Да! Да!

Я переехала к Родьке со всем своим барахлом и осталась в Сочи до конца августа. У Родьки здесь имелась квартира, но бывал он в Сочи лишь наездами, часто мотался по другим городам, ничего мне не объясняя. Когда я пыталась его расспросить поподробнее, он обрывал меня и говорил, что это его профессиональные дела, в которых мне делать нечего, а вникать – тем более.

Когда он уезжал, я оставалась одна: гуляла по городу, сидела на пляже и страшно скучала по Родьке. Но когда он возвращался, у нас наступал настоящий праздник – мы ходили по ресторанам, барам, и жизнь напоминала пеструю шумную ленту. И этому празднику, казалось, не будет конца.

Когда на носу был уже сентябрь, я улетела в Москву, обещав приехать к нему при первой же возможности. Возможность представилась на выходные. Родька дал мне на прощание пачку денег, я купила билет на самолет и прилетела к нему. И так продолжалось почти год. Моя влюбленность не утихала, наоборот, она разгоралась все сильнее и сильнее. Я была как влюбленная ненасытная кошка, с трудом переживавшая даже кратковременную разлуку.

Потом у Родьки начались какие-то трудности. Вот тут как-то раз в припадке ярости он и выпалил, что его основная работа... что он – наркокурьер и уже давно повязан с наркотиками. У него своя сеть, свои люди; если я хочу – могу отойти в сторону и сделать вид, что меня все это не касается. Он бегать за мной не станет! Я рыдала и просила у него – непонятно за что – прощения. Родька окончательно поработил меня, и я уже не мыслила своей жизни без него. Я по-прежнему ездила к нему в Сочи. Но наши разлуки становились все длиннее, а отношения – все скандальнее. Мы все чаще ссорились, Родька стал нервным, раздражительным, срывал свою злость и неприятности на мне. А затем все кончилось... Когда в очередной раз я прилетела к нему в Сочи, во дворе меня перехватила соседка, пьющая блондинка лет сорока, Катерина Васильевна, и сказала, что Родьку взяли менты – на него устроили настоящую облаву. Взяли его и еще двух человек, и мне даже не надо соваться в его квартиру, иначе я наживу себе неприятности. Мне следует держаться от всего этого подальше...

Я слушала Катерину Васильевну в состоянии глубокого шока, не понимая, что это – конец, что наша с Родькой жизнь вот так и рухнула в одночасье и что больше ничего не будет: ни моих скоропалительных приездов, ни яростного секса, доводившего меня почти до обморочного состояния, ни наших походов по ресторанам, когда я чувствовала себя королевой, к чьим ногам бросали деньги и прочие удовольствия-развлекаловки, что все это осталось в прошлом...

Когда она умолкла, я кивнула ей и на негнущихся ногах пересекла двор. Какое-то время я шла по улице, не соображая, куда я иду, потом уселась в каком-то скверике на скамейке и попыталась осмыслить услышанное. Но никаких путных мыслей в мою голову не приходило – было одно черное пятно, стремительно разраставшееся и вбиравшее в себя мою жизнь без остатка. Короче, я не знала, как мне жить без Родьки. Не знала, и все!

Я вернулась в Москву и несколько месяцев жила как в ступоре. Моя мать, с неодобрением относившаяся к этому курортно-самолетному роману, пыталась как-то развеять мою тоску и отчаяние, но все было бесполезно.

Через полгода мать умерла от обширного инсульта, и я осталась совсем одна. На носу – экзамены и защита диплома. А мне все было по фигу!

Кое-как я защитила диплом и стала обладательницей профессии инженера-экономиста.

Я пошла работать в фирму, торговавшую компьютерами, и на одной корпоративной совместной вечеринке познакомилась с Викой Шаповаловой, которая сразу стала моей лучшей подругой и первым человеком, которому я по-настоящему «отрыдала» свой роман с Родькой. Я плакала пьяными отчаянными слезами несколько часов подряд, и Вика утешала меня, как могла, говоря, что все еще наладится и я обязательно встречу своего мужчину. Ну, словом,

она несла ту лабуду, которую одна подруга обычно скормливает другой, когда личная жизнь приятельницы терпит окончательный крах.

Выплакалась я, и мне стало легче, я даже почти поверила Вике. А когда я познакомилась с Берном, что-то подсказало мне, что это – мой шанс начать новую жизнь.

С Берном я познакомилась в Питере, во время моей поездки в город на Неве. Я поехала туда, купив экскурсионный тур на три дня. Мне хотелось развеяться и отдохнуть. Кроме того, я была в Питере давно – ездила сюда с одноклассниками лет десять тому назад, и мне хотелось освежить прекрасные воспоминания об этом городе.

Когда Питер – строгий, торжественный – словно вырос из темно-серебристой Невы вместе со своими дворцами, башенками, ажурными мостами, я почувствовала, как градус моего настроения резко ползет вверх и меня охватывает состояние легкости и беспричинного веселья. Словно мне выпали нежданные каникулы после напряженной «черной» работы. Первый день я просто бродила по городу, любуясь им и подолгу останавливаясь у какого-нибудь понравившегося мне здания или скульптуры. На второй день я примкнула к экскурсантам. Мы осматривали Исаакиевский собор, и при выходе я столкнулась с высоким блондином, который растерянно посмотрел на меня.

– Простите, – обратился он ко мне на ломаном английском. – Я немного заблудился и не знаю, куда идти.

Английский я знала на уровне среднего разговорного и поэтому поняла его.

– Куда вы хотите пойти? – спросила я у него.

Он стоял и смотрел на меня, словно не слыша моего вопроса. Я повторила его.

Он встрепнулся, как будто внезапно очнулся от столбняка.

– Я... – он запнулся и замолчал. – А можно, я просто погуляю с вами? – брякнул он. – Хотите, посидим в ресторане, хотите, пройдемся по городу?

Неожиданно для самой себя я согласилась. Весь день мы прогуляли по городу, смешно общаясь на смеси русского и английского. Я плохо знала язык. Берн Андерссон (так звали моего нового знакомого) скверно говорил по-русски. Когда нам не хватало слов, мы прибегали к жестам. А когда не понимали язык жестов – принимались хохотать, при этом мы не спускали друг с друга глаз, словно взаимно подпитывались этими взрывами веселья.

Вечером мы пошли в ресторан, но Берн почему-то замолчал, стал каким-то притихшим. Я гадала – чем объясняется эта перемена? Позже он объяснил мне, что ужасно волновался и боялся, что этот день станет для нас первым и последним и после этого мы расстанемся. Я же, напротив, подумала, что просто наскучила симпатичному шведу и он не знает, как закруглить наше знакомство. Вот сейчас мы посидим, поужинаем, он кивнет мне на прощанье, и мы разбежимся в разные стороны.

Но ничего этого не произошло. Путаясь в словах, Берн сказал, что он хотел бы «пойти в постель». Мои брови взлетели вверх. Он запнулся, покраснел, а потом выдавил, что «хотел бы со мной в отель».

Возникла пауза... Он молчал и смотрел на меня. Внезапно я приняла решение. Я не была влюблена в него или увлечена им, но это был такой прекрасный, легкий день, что я подумала: закончить его вместе было бы логично. Мне было хорошо и приятно с Берном. Тогда – почему бы нет? Я же взрослая женщина.

В постели Берн был нежен и ласков. Я ощутила, как комок моей тоски и напряжения постепенно рассасывается, и все внутри меня наполняется приятным покоем. Я словно лежала на пляже в бездумно-солнечный день, у меня впереди была куча времени, и никуда не надо было торопиться.

Берн гладил мне руки, грудь и все время повторял: «Красивая, красивая». Он немного учил русский язык в связи с возможным сотрудничеством его фирмы с нашей страной. Сюда, в

Питер, он прибыл на какой-то русско-шведский круглый стол, посвященный развитию сотрудничества между нашими странами.

Я осталась в Питере еще на два дня – до конца командировки Берна. Мы договорились переписываться и созваниваться друг с другом. Каждый день я получала по электронной почте трогательные и смешные послания от Берна, где он писал, как он скучает по мне и хочет меня снова увидеть.

Он прислал мне приглашение, и я поехала к нему в Швецию. И на четвертый день моего пребывания в Гетеборге, где жил Берн, он сделал мне предложение. Похоже, он увлекся не на шутку.

А я... раздумывала. Вика, едва я рассказала ей о Берне, сразу сказала: это то, что мне в данный момент необходимо и мне нельзя упустить Берна. Ни в коем случае!

Я не была влюблена в него, но думала, что тихая совместная жизнь успокоит меня и приведет в чувство после моего безумного романа с Родькой.

Позже, проанализировав все задним числом, я прекрасно поняла, что просто, как маятник, шарахнулась в другую сторону, чтобы убежать от своей прежней жизни. Мне страшно хотелось обрести под ногами какую-то надежную почву, и Берн показался мне лучшим кандидатом на роль пропуска в другую жизнь. Спокойный, немногословный, внимательный – в нем было все то, чего не было в Родьке. И я решила, что смогу наладить с ним нормальное семейное существование.

Но все обернулось совсем не так, как я думала...

Берн оказался вовсе не тем человеком, за которого я приняла его сначала. Его немногословие обернулось равнодушием, заботливостью – педантичностью, а внимательность – стремлением все держать под контролем. И довольно скоро я поняла это. И то раздражение, которое во мне вызывал иногда Берн, никуда не исчезало, оно, напротив, как магнит, притягивало к себе все: наши ссоры, возникавшие на пустом месте, глухое молчание по вечерам, отчуждение в постели...

Но деваться мне уже было некуда. Родилась Лиза, и я «погрузилась» в дочку без остатка... Я довольно быстро освоилась в Швеции, выучила язык, в дальнейшем собиралась найти себе работу...

– Рагозина! Ты спишь? – раздался у меня над ухом голос Юрки.

– Задумалась...

– Красивым женщинам думать вредно, – подмигнул мне Юрка. – Давай-ка, Рагозина, я тебе салатика с рыбкой на тарелку положу и винца налью.

– Примитивный ты человек, Свирия! – вздохнула я. – У меня – проблемы и депрессия. А ты мне салатик предлагаешь!

– А я что, не понимаю?.. Но отвлекаться-то как-то надо.

– Не получается.

– А ты постарайся, и все получится.

Разубеждать Юрку – тратить понапрасну время. Лучше промолчать.

Я уткнулась в свою тарелку. Салаты Антонина всегда готовила на славу, и мы наперебой высказывали ей свои комплименты как отличной хозяйке.

После обильных тостов за наше школьное братство, обменов информацией – какие у кого перемены и планы, – Юрка наклонился ко мне и прошептал:

– Ты мне сегодня категорически не нравишься!

– Ничем не могу помочь. Я и сама себе не нравлюсь.

– Я не в том смысле.

– Я поняла, в каком. Не парься, Юр. Если я тебе порчу радужную картинку, можешь отсесть от меня или выйти на балкон к Шурыгиной. Там, кажется, байки травят. Ржут, как лошади.

– Обижаешь, Рагоза. Я помочь тебе хочу. Всей душой!

Свирия был пьян в стельку. Я вздохнула: и зачем я сюда приперлась? В надежде, что отвлекусь от своих проблем? Пока это получается у меня плохо. Может, распрощаться со всеми и уйти?

– Ты мне только скажи! – напирал на меня Юрка. – И я все для тебя сделаю! А, Таш? Ты не копи в себе. Люди-то вокруг на что тогда?

От него несло перегаром. Усы его поникли.

– Ты же знаешь мою проблему, – тихо сказала я. – Лиза там, в Швеции, и я не могу привезти ее сюда. По этим гребаным шведским законам!

– Так тебе чего надо-то? Адвоката хорошего найти?

– Я уже ходила по адвокатам, по всяким: и по хорошим, и по плохим, и по дорогим, и по бесплатным. Все они наотрез отказываются братья за мое дело. Безнадега это, полная, Юр! Как ни крути! Повеситься мне от этого хочется, ей-богу!

– Слушай, Рагоза! Считай, что адвокат у тебя в кармане. Классный дядька! Из крутых.

Я невольно рассмеялась:

– Откуда у тебя такие знакомые, Юр? Ты, часом, не перебрал?

– Опять ты на меня бочку катишь, Рагоза! Не веришь мне, подкальываешь... Ну что ты за человек такой... А ведь я правду говорю! Я недавно с этим адвокатом познакомился, неделю тому назад. От бандитов его спас!

– Каким же образом? Уложил всех в перестрелке или в честном рукопашном бою?

Но Свирия на мою насмешку никак не отреагировал.

– Я и сам толком сперва ничего не понял. Шел по улице, смотрю: из машины человек выходит, идет к подъезду, а за ним – двое. Я смотрю, наблюдаю, но ничего не делаю, стою тихо, как будто меня здесь и нет. А эти хмыри вдруг дорогу ему перекрывают и о чем-то говорят и теснят от дома, один, смотрю, нож вынул... Тут я и рванул к ним изо всех сил. Они меня увидели – и врассыпную. А тот мужик стоит и на меня смотрит. Спокойно так, а потом говорит «Спасибо! Похоже, вы меня от смерти спасли». Я ему: «Что уж там! Все нормально». И собирался уйти, а он мне свою визитку сует со словами: «Если я вдруг вам понадобится – позвоните. Я – адвокат и всегда вам помогу». Так что, Рагозина, уступаю тебе этого адвоката. Но не задаром. Так и знай!

– Господи! Юр, и чего ты от меня хочешь?

– Поцелуя.

– Ну... это запросто... – и я чмокнула его в щечку.

– Несерьезно ты ко мне относишься, Рагозина, – с укоризной сказал Юрка. – А я... между прочим... – Но свою мысль он так и не закончил, уткнувшись в рюмку.

– Я, пожалуй, пойду, – сказала я, вставая.

– Торопишься куда-то? – встрепнулся Юрка.

– Да так, устала. Дома дела...

Зазвонил сотовый. По заигравшей мелодии я поняла, что это Вика.

– Слушай! – обрушилась она на меня, как только я выдавила слабое «алло!». – И куда ты, скажи на милость, пропала? Мы приехали, а тебя нет. Даже записки не оставила!

Чувство вины настигло меня с новой силой.

– Прости... у меня тут встреча с одноклассниками, я просто забыла о ней, вспомнила в последний момент и рванула сюда. У нас юбилей вроде, нехорошо игнорировать такое мероприятие.

– Наташ! Ты в таком состоянии, – назидательно сказала Вика. – Что значит – нехорошо? Могла сослаться на головную боль или грипп и остаться на даче.

– Ладно, Вик! – твердым голосом сказала я. – Не будем пререкаться и спорить, разберемся потом, целую, пока. – И, прежде чем она успела что-то возразить, я нажала на «отбой».

– Что-то не так? – спросил меня Юрка, увидев мое искажившееся лицо.

– Все так. Просто небольшое выяснение отношений.

– Выяснила?

– Ага!

– Может, еще посидишь?

Я мотнула головой:

– Не получится.

– Как хочешь. Я тебя провожу.

– Но не до дома!

– Это еще почему нельзя? Тебя бойфренд отвезет?

– На ковре-самолете домчит. Тебе, Юр, надо думать, как самого себя до дома транспортировать без телесных и моральных повреждений, а не обо мне беспокоиться.

– Намек понял. Тогда хоть до лифта провожу.

– До лифта – можно.

Антонина уговаривала меня остаться, но делала она это так вяло, что было ясно – мысленно она уже провожает гостей и приводит квартиру в прежнее, доубийственное состояние. Ее круглое раскрасневшееся лицо сияло добродушной улыбкой.

– Все так хорошо было! Посидели, пообщались. Редко такие душевные моменты выпадают. Все работа, дела, быт заедает...

Я чмокнула Антонину в щечку, наговорив кучу комплиментов ее салатам и прочим кулинарным изыскам и мотнула Юрке головой: мол, отрывай свою задницу от стула и шлепай со мной до лифта.

Юрка поднялся, покачиваясь, и пошел за мной. Возле лифта Свирня навис надо мной вопросительным знаком и сказал, беря меня за руку:

– Значит, так, Рагозина! Я тебе завтра звоню и даю телефон этого адвоката. Идет?

– Идет! Если только завтра ты встанешь, хотя бы часа в три.

– Я?! – Юрка ударил себя в грудь. – Да в одиннадцать я буду уже на ногах! Как огурчик, проснусь и сразу звякну, так что жди.

Пришел лифт, и я распрощалась с Юркой, с трудом отняв у него свою руку.

Дома я быстренько стянула с себя одежду и завалилась спать, даже не посмотрев на будильник. Какая разница! Все равно, торопиться мне с утра некуда, да и дома дел никаких, разве только в магазин сходить. Мой стратегический запас продуктов был на угрожающе низкой отметке.

Спала я спокойно, без сновидений, и проснулась от звонка сотового. Я нашарила его рукой и нажала на соединение.

– Рагоза! Это я! – раздался голос Юрки. – Не разбудил?

– Уже нет.

– Раньше меня все-таки проснулась? – допытывался он.

– Отвали! Ты по делу звонишь или как?

– Естественно, по делу. А просто так позвонить уже нельзя?

– Можно. И что там?

– Телефон адвоката, о котором я тебе вчера говорил. Записывай!

– А... – Честно говоря, его треп уже вылетел у меня из головы. Но сейчас я вспомнила наш разговор и провела рукой по лицу, словно прогоняя остатки сна.

– Записываешь?

– Минуту!

– Да хоть час! – хмыкнул Юрка. – Я с тобой, Рагоза, готов хоть целые дни напролет говорить. И не только говорить....

Я пошлепала в кухню. Там, на подоконнике, у меня лежал блокнот со всякими нужными записями.

– Диктуй, – проворчала я.

Он продиктовал номер, а потом прибавил:

– Полынников Феликс Федорович. Записала?

– Короче, полынь горькая, – пробормотала я. – Как и вся моя жизнь.

– Откуда такой пессимизм, Рагоза? Красивые женщины должны ходить по жизни королевами и принцессами! Не гони волну: мы обязательно прорвемся!

– Не сомневаюсь. Ладно, Юр. Мне в магазин надо чапать. Как-нибудь еще созвонимся.

– Непременно.

Я тряхнула головой, окончательно прогоняя сон. Голова была свинцово-тяжелой. Я положила блокнот на стол и уставилась в окно. День был пасмурный. Небо в темно-серых тучах, и выходить из дому в такую погоду категорически не хотелось. Но делать было нечего – в холодильнике хоть шаром покати, и если не раскатывать губу, то можно вполне обойтись продуктовым магазином за углом. Тогда я сэкономлю деньги, а заодно и время.

Я достала из тумбочки деньги, подавив невольный вздох. Мои запасы стремительно таяли. Иногда я перебивалась случайными заработками, но они только откладывали мой финансовый крах, наступление которого было так же неминуемо, как и наступление Нового года или повышение тарифов ЖКХ.

Быстренько закупив необходимую провизию, я вернулась домой и свалила пакеты на стол. При этом блокнот с телефоном упал на пол. Я подняла его и повертела в руках. Может быть, стоит позвонить адвокату прямо сейчас, не откладывая дело в долгий ящик? Зачем тянуть резину?

Я присела на табуретку и, придвинув к себе телефон, стоявший на кухонном столе, набрала номер.

На том конце сняли трубку:

– Приемная Полынникова!

– Алло! – откашлялась я. – Можно к телефону Феликса Федоровича?

– По какому вопросу?

– Это конфиденциальное дело.

На том конце наступило молчание.

– Как вас представить? – наконец услышала я после паузы, которая, казалось, никогда не кончится.

– Он меня не знает. Но скажите, что ему звонят от человека, который на той неделе спас вашего шефа от бандитов.

Раздался глухой стук: трубку положили на стол. Я услышала цокот каблучков секретарши, отдававшийся в моей голове.

Затем в трубке возник мужской голос:

– Алло! Полынников у телефона.

– Простите, просто я действительно не знала, как мне представиться... Меня зовут Рагозина Наталья Александровна. А ваш телефон мне дал Юрий, который...

– Я понял, – оборвал он меня. – Чего вы хотите?

– Мне нужна ваша консультация.

– Хорошо, приходите сегодня, к пяти. Вас устроит это время?

Я бросила взгляд на круглые часы, висевшие на стене. До встречи с адвокатом было еще добрых четыре часа.

– Устроит.

– Тогда я вас жду.

– Постойте! – закричала я. – А где вы находитесь?

– Лариса вам объяснит, – сказал Полынников, передавая трубку секретарше.

Лариса подробно рассказала, как доехать, при этом сначала она спросила: на машине я приеду или своим ходом? Я ответила, что своим. Когда я вернулась в Москву из Швеции, машину мне пришлось продать, и на эти деньги я до сих пор и жила, стараясь по возможности растянуть их на как можно более долгий срок.

Записав адрес конторы и подробные пояснения, как до нее добраться, я рванула в ванную – мыть голову и приводить себя в порядок.

Контору я нашла не сразу, пришлось предварительно поплутать по кривым московским переулкам и поспрашивать дорогу у прохожих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.